

Содержание

I. ПЯТЬ СОТЕН

9

II. ВДВОЕМ

81

III. ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

217

IV. ОДИН

287

V. ВЫЧИТАНИЕ И СЛОЖЕНИЕ

315

VI. И СНОВА ПЯТЬ СОТЕН

397

VII. ТРОЕ

465

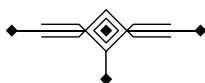
Комментарии автора

499

Благодарности

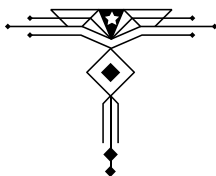
508

*Моему папе
Шамилю Загреевичу Яхину*

І. ПЯТЬ СОТЕН

Казань

Четыре тысячи верст — ровно столько предстояло пройти санитарному поезду Казанской железной дороги до Туркестана. Но самого поезда еще не было — приказ о его формировании был подписан вчера, девятого октября двадцать третьего года. И пассажиров не было — их предстояло собрать по детским домам и приемникам: девочек и мальчиков, от двух до двенадцати, самых слабых и истощенных. А вот начальник у эшелона уже был: фронтовик Гражданской, из молодых, — Деев. Назначен только что.

— Дети, — сказал ему вместо приветствия командир транспортного отдела Чайанов. — Пятьсот душ. Доставить из Казани до Самарканда. Мандат и инструкции получишь у секретаря.

За годы в транспортном Деев сопровождал все, что могло передвигаться по рельсам, — от реквизированного зерна и скота до китового жира в цистернах, присланного дружественной Норвегией голодающему Поволжью. Детей однако — не приходилось.

— Когда выезжать?

— Хоть завтра. Соберешь состав — и лети, Деев, птицей лети! Дети — они долгой дороги не любят, скоро сам поймешь.

Вот и весь разговор — пара минут, не больше. Неясно лишь: что значило это странное “сам поймешь”? Но разду-

мыть было некогда. Долгие раздумья — для стариков, у них времени много.

Первым делом отправился к вокзальному начальству. Те обещали поскрести по сусекам и наскребли всего один вагон, зато — бывшего первого класса, некогда благородно-синего, а нынче уже бледно-серого цвета, с гобеленовой, лишь местами рваной обивкой салона, почти целыми зеркалами и просторным общим холлом, где при желании можно было вальсировать. Когда-то там располагалась дорожная библиотека и даже был установлен рояль, а теперь красовалась щербатая чугунная ванна (видно, перетащили из банно-прачечного отсека, да так и позабыли здесь). Смотрелась она в окружении пустых книжных полок и почерневших канделябров нелепо. Поморщился Деев, но вагон взял. Гобелены велел содрать к чертовой матери, канделябры — сбить. В купе вместо элегантных багажных сеток надстроить вторым и третьим ярусом нары. А ванну — оставить. Пробовал было затребовать к ней и печку-чугунку, чтобы детям было где согреть воду для мытья, но был обозван буржуем и идею с горячим водоснабжением отложил на потом.

Второй вагон пришлось ждать до завтра: пригнали с Красной Горки, где он стоял четыре года на задворках паровозного депо. Посмотрел на добычу Деев и аж передернулся: не простой это был вагон, а путевая церковь. Видно, потому и пылился так долго в отстойнике, что приспособить его под какие бы то ни было советские нужды затруднялись. Позеленелую бронзу с купола можно было, положим, снять, алтарь разобрать. А арочные окна под красными бровками куда денешь? А кокошники под крышей?.. Принял Деев и этот вагон. Одна радость: вместительный. “Во сколько рядов лавки городить будем?” — спросил башкан плотницкой артели, уважительно разглядывая высокий потолок. “Давай в три!” — махнул рукой Деев. Пожалуй, влезли бы и все четыре, но карабкаться на самую верхотуру дети могли побояться.

Вагон-кухню прислали пару суток спустя, из-под Симбирска, — кургузую коробчонку на колесах, сбитую наспех из струганых досок и позже чиненную нестругаными, в заплатах из фанеры, с торчащей из слухового окна загогулиной печной трубы. Говорили, в симбирских тупиках еще с девятнадцатого года стояло много такого барахла, и что-то вполне могло стодиться Дееву, но ехать туда с проверкой было недосуг.

Наконец, расформировали пришедший из Москвы пассажирский и пяток вагонов подогнали к деевскому эшелону, который путевые рабочие уже называли между собой “гирляндой” за разнообразие цветов и мастей. Вагоны — сплошь плацкартные, прокуренные и запакощенные насмерть — нуждались не в плотниках, а в обстоятельной уборке. Но Деев к тому времени так замучил вокзальное начальство требованиями (да всё “немедля!”, “тот же час!” и “непрременно!”), что в уборщиках ему отказали. Плюнул он, набрал пару ведер воды и принялся отмывать сам.

Тут-то она и появилась. Деев как раз пластался по мокрому полу, тряпкой выуживая из-под лавки грудку семечковой шелухи, — а у самого его лица возникли два тупоносых пехотных ботинка. Поднял глаза выше: икры, тонкие, не в солдатских обмотках — в нежной чулочной шерсти.

— Убийца, — так начала разговор. — Почему канители-тесь?

Опешил Деев. Еще выше глаза поднимает: юбка черная, узкая, а под сукном юбочным — острые колени.

— Пока вы тут пузом по полу елозите, умирают дети.

Он попытался вылезти из-под лавки и сесть — тюкнул-ся затылком о лавочный край.

— Ты кто? — Перед женщинами Деев робел и оттого называл их исключительно на “ты”, а себя держал гордо, с вызовом.

— Детский комиссар. Поеду с вами до Самарканда, если соизволите встать из лужи и приступить к выполнению приказа.

— Имя-то у тебя есть, комиссар?

— Белая.

Деев так и не понял, имя это или фамилия. Переспрашивать не решился.

Была она старше его, но не так чтобы в матери годилась. Скорее, в старшие сестры. Лицо имела красивое и строгое, хоть сейчас на плакат. Волосы — русые, коротко стриженные, кудрями во все стороны. А взор — начальственный, как у армейского командира. Под таким взглядом хотелось немедля вскочить и оправиться, но сдержался: не спеша пригладил чубчик (заодно смахнул со лба пару приставших подсолнечных шкур), небрежно кинул тряпку в ведро (вода плеснулась через край и брызнула комиссару на ботинки) — да и остался на полу сидеть, эдак чуть развалиясь.

— Тогда, может, с уборкой подсобишь, товарищ Белая? Или в хлеву повезем народ?

— Подсоблю, — ответила серьезно. — Только ночью, когда дети спать будут.

— А мы с тобой, выходит, не будем? — снахальничал Деев. И не хотел вовсе дерзить, да язык-дура ляпнул сам.

И тут же стыдно стало за нелепую эту сальность. Поднялся, отряхнул грязь с закатанных штанов и голых коленей. А когда распрямился — понял, что смотрит на гостью снизу вверх: комиссар Белая была выше на целых полголовы.

— Боюсь, Деев, спать нам не придется, — сказала, глядя в упор, и он рассмотрел наконец ее глаза — холодно-серые, в прямых ресницах. — До самого Самарканда — не придется.

Пару минут спустя он уже шагал рядом с Белой. Даже не шагал — строчил торопливо по мокрым от сеющего дождя путям, изо всех сил стараясь не поскользнуться и не пуститься бегом.

Она ступала широко, через шпалу, даром что ноги имела по-девичьи тонкие, а фигуру легкую, едва различимую под широкими складками бушлата, прихваченного в талии ремнем. Деев наблюдал стремительный ход ее квадратных башмаков и думал о том, что под ними непременно должны скрываться маленькие и узкие ступни. Споткнулся, чертыхнулся — отогнал неподобающую мысль.

— Они попробуют увеличить квоту — не соглашайтесь! — Белая говорила быстро, не трудясь повернуть голову к собеседнику, а словно стреляя фразами вперед, и ему пришлось ускорить шаг, чтобы расслышать указания. — Попробуют добавить больных под видом выздоравливающих — не соглашайтесь!

Деев никак не мог взять в толк, с кем ему не соглашаться. Иначе говоря, в кого так безжалостно стреляла словами комиссар?

— Начнут давить на жалость — валите все на меня. Так и скажите: мол, эта Белая такая принципиальная и бессердечная, не стовориться с ней никак, просто не человек, а камень...

— Но начальник-то эшелона я, — на всякий случай напомнил Деев.

— Начальник вы, — согласилась Белая. — А валите все на меня. А еще лучше молчите, я сама все скажу.

Вокзальными задворками вышли в город и скоро оказались в самом сердце его, где стоял на главной площади дворец из гранита и мрамора, с колоннами в три обхвата и окнами много выше человеческого роста — некогда Дворянское собрание, а ныне казанский эвакуационный пункт

